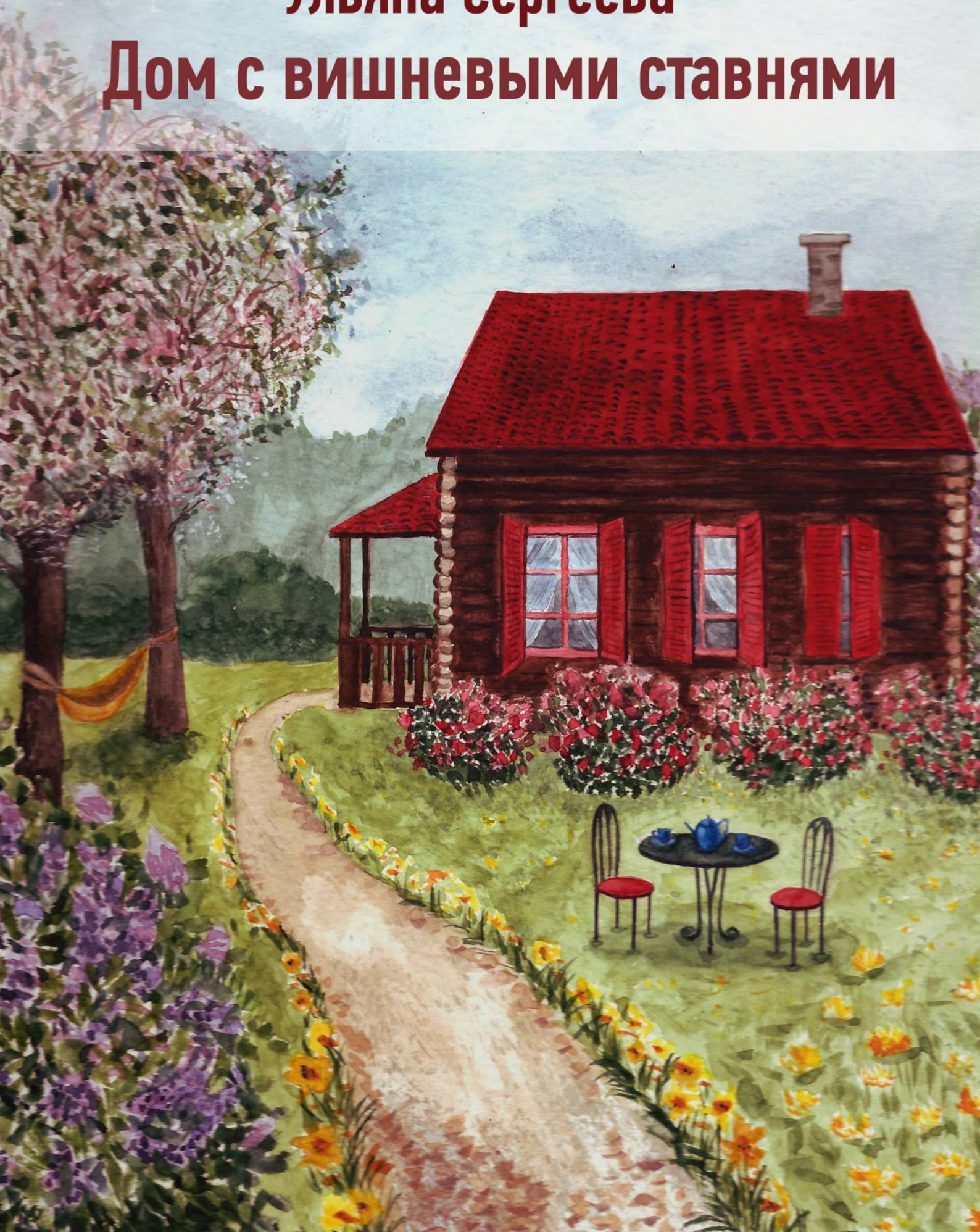

Ульяна Сергеева
Дом с вишневыми ставнями

Ульяна Сергеева

Дом с вишневыми ставнями

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сергеева У.

Дом с вишневыми ставнями / У. Сергеева — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

Берта живет в Стокгольме, скучает в городском архиве и пытается забыть возлюбленного. Когда-то она была улыбчивой и смелой девушкой, которая не боялась мечтать, а счастливые дни детства проводила в баварском городке Миттенвальд, в доме с вишневыми ставнями, где жила ее бабушка Луиза. Однажды судьба вновь приводит Берту в уютный дом бабушки. Поможет ли он девушке заглянуть в свое сердце и вспомнить заветные мечты? Вернуть свою любовь? Открыть собственное дело? Роман "Дом с вишневыми ставнями" - это книга о потерях и приобретениях, ценных находках, которые живут в каждом из нас. Через связь поколений и переплетение судеб роман напоминает нам о мечтах, которые мы прячем в плотно закрытых сундуках, и о любви, в силу которой мы по-настоящему не верим. Это также книга о Боге, которого мы видим в своей жизни, только когда открываем ему сердце.

аБер

УЛЬЯНА СЕРГЕЕВА

РОМАН «ДОМ С ВИШНЕВЫМИ СТАВНЯМИ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2016

«Дом с вишневыми ставнями», роман.

Автор: Ульяна Сергеева https://vk.com/uliana_ferdman

Редактор: Ксения Зуева <https://vk.com/xenyazueva>

Художник: Екатерина Абрамова <https://vk.com/eka.sotnikova>

Фотограф: Мария Рыбина https://vk.com/mary_foto

Верстка: Дмитрий Фердман https://vk.com/dima_ferdman

Типография: Издательско-полиграфическая фирма «Реноме», г. Санкт-Петербург, 2016.

Это книга о потерях и приобретениях, ценных находках, которые живут в каждом из нас. Через связь поколений и переплетение судеб роман напоминает нам о мечтах, которые мы прячем в плотно закрытых сундуках, и о любви, в силу которой мы по-настоящему не верим.

«Дом с вишневыми ставнями» – это также книга о Боге, которого мы видим в своей жизни, только когда открываем ему сердце.

Эти страницы пропитаны уютом и теплом, ароматами домашней выпечки и горных трав, звучат искренними беседами и наполнены глубокими переживаниями.

С любовью посвящаю эту книгу:

моим родителям;

моему дорогому мужу

и нашим детям;

всей нашей большой семье;

настоящим друзьям;

любимым читателям;

каждому мечтателю, который идет к своей мечте

Глава 1.

В каждом из нас, как в старинном английском секретере, есть множество мелких ящичков. Некоторые из них потайные. Есть и те, которые мы держим на виду, но сами боимся открыть. В них пылятся наши воспоминания, закоренелые обиды, трагические расставания. Многие из этих потайных уголков своей души мы носим в себе годами, и порой это очень тяжелый груз.

Так случилось и с Бертой.

Берте было 26 лет. Ни одного удачного или неудачного замужества, уютная квартира в тихом районе Стокгольма и пара друзей.

В ее доме жили книги, набор разных пледов на все сезоны года, стопка рукописных дневников и уголок для рисования. В белоснежном кухонном буфете хранились семь чайных пар на каждый день недели, вкусный листовой чай и зерновой кофе. И еще в ее доме жило одиночество.

Нельзя сказать, что Берта не любила одиночество. Для нее признаться в нелюбви к одиночеству значило бы слукавить, а любые проявления хитрости были несвойственны ни ее характеру, ни взгляду ее глубоких, как озеро, глаз. Именно из-за выражения глаз Берту рано перестали считать ребенком. Было что-то неуловимое во взгляде, который сбивал с толку детей, но был так понятен и близок взрослым.

Берта выросла высокой, хрупко сложенной девушкой. Возможно, она могла бы стать балериной, если бы родители не пожелали ей карьеры юриста, а сама Берта не мечтала связать свою жизнь с совсем другим занятием. Она любила рисовать и посвящала своему увлечению тихие утренние часы перед работой.

На работе коллеги считали ее скромной и застенчивой подругой, начальство – удобным работником. И хотя иногда в ее взгляде и манере держаться чувствовалась уверенность и сила духа, все-таки Берта казалась разочарованной и потерянной, как птица с ранеными крыльями. Ничего не помогало избавиться от этого впечатления: ни пышные пшеничные волосы, ни выразительные серо-голубые глаза, ни изящная фигура. Лишь иногда, когда она читала книгу или задумчиво смотрела в окно, можно было уловить ее красоту или заметить милые ямочки в уголках губ, когда Берта улыбалась удачной строчке в книге.

Но чаще всего в такие моменты она была одна.

Ей нравилось бывать одной, особенно после работы. Берта работала в городском архивном отделе. Сотрудников там было немного, и в здании было тихо – лишь изредка тишину нарушал звонкий стук каблуков. Но из-за врожденной впечатлительности Берту постоянно тревожил внутренний шум.

Разбирая новые записи о выданных свидетельствах о рождении, браке, разводе, Берта живо представляла себе эти события: вот малыша, завернутого в нежный кокон одеяла, выносят на руках из роддома счастливые родители; он смешно морщит носик, вдыхая новые для него ароматы весны. Вот кто-то заключил супружеский союз, и Берта отчетливо слышит марш Мендельсона, видит, как молодые супруги танцуют свой первый танец. Счастье, кажется, поселилось в каждой складочке ее шуршащего платья, а в его глазах лучатся надежда и любовь.

А вот новые записи о разводах, и Берта слышит безутешный плач детей, сдержанные голоса родителей и сухие выводы адвоката – видеть папу теперь можно только по выходным. А ведь отец семейства только что нашел работу в соседнем городе, и каждые выходные ездить к детям он не сможет.

Все это Берта слышала и чувствовала, перебирая и подшивая бумаги. Ее рабочий стол стоял у окна, ветер украдкой проникал в комнату, затевал танец со светлой прозрачной шторой, а та кокетливо убегала от него, подобрав подол своей длинной юбки. Тогда ветер принимался за Берту: он осторожно гладил ее по щеке, и она, словно очнувшись от своих фантазий, хотя бы на мгновение ощущала тишину.

Тишина...

Прохладная и обновляющая, как струи морозной воды, она пробуждала ум и успокаивала беспокойное сердце. В такие минуты Берта заглядывала в себя, и многие ее «ящички» с грохотом опрокидывались. Чего там только ни было: несбывшиеся мечты, выдуманные страхи, сокрушительные падения, обидные слова. И где-то там, посреди этого вороха растерянности, Берта издалека видела себя.

Вот она, Берта.

Она вспомнила себя совсем юной, полной надежд, какой приехала из Мюнхена в Стокгольм на учебу, а затем здесь и осталась. Учеба на юридическом факультете подарила ей не так много знаний, так как тогда она была занята другим.

Было в университете нечто, а вернее, некто намного любопытнее юриспруденции.

Его звали Джонатан, он был на пару лет старше и на пару голов выше.

Они познакомились на набережной, по пути в университет, и до сих пор Берта была готова возблагодарить каждый камешек на этой мостовой.

Он не был широк в плечах или особенно красив. Но с ним можно было поговорить обо всем на свете, его знания восхищали ее, а обаятельная и добрая улыбка заставляли забыть обо всем. У него были темные, как чернила, волосы, яркие зеленые глаза, в которых мелькали

озорные веселые искорки. Джонатан был прямым и честным, совершенно не умел хитрить и обманывать. Берта не видела в нем недостатков, с ним она чувствовала себя уютно и спокойно.

Уверенно и надежно. Так, как бабушка Берты чувствовала себя рядом с крепким и решительным дедом и как ее мама никогда не ощущала себя рядом с безответственным отцом.

Джонатан провожал Берту после учебы; они подолгу гуляли по набережным и скверам, пили обжигающий кофе в кофейнях, ходили на концерты и дни рождения общих друзей. Она влюбилась без памяти, и у нее не получалось скрывать это. В его присутствии она смущалась: если он брал ее за руку, краснела, если делал ей комплимент, отвечала глупостями. К счастью, влюбленность была взаимна, и Джонатан, оказывая ей постоянные знаки внимания, однажды подарил ей долгожданную бархатную коробочку с кольцом, принадлежавшим когда-то его матери. Изящное кольцо из белого золота с сияющим бриллиантом.

Это было три года назад.

Тогда мама позвонила Берте из Мюнхена и, не поздравив, сказала волевым и твердым голосом: «Не спеши с помолвкой, ты еще учишься. Все успеется».

Джонатан, может быть, готов был бы ждать. Но Берта растерялась и так невнятно объяснилась с ним, что он увидел в ее просьбе подождать холодный вежливый отказ, потерю своих надежд.

Уязвленный и расстроенный, он собрал все свои разочарования в чемодан и уехал из Швеции. Учебу он окончил за границей, и она до сих пор не знала, в какой стране и в каком городе он живет.

А вот среди опрокинутых ящичков мечты Берты.

В юности девушка мечтала часто носить красивые цветущие платья и порхать в них, как невесомый лепесток,

даря себе и другим радужное настроение. Она мечтала стать художницей интерьеров и помогать людям создавать уютные дома, в которые хочется возвращаться. Она по-прежнему изучала сочетания цветов, форм и фактур, рисовала на досуге приветливые очертания обеденных столов, ярко горящих люстр и бальных паркетов, но мечта по-прежнему покрывалась пылью времени в своем отделении старинного секретера. В такой тишине страшно долго оставаться наедине с собой. С настоящей собой.

Берта торопливо похлопала себя по щекам и вернулась к реальности.

«Скоро на обед, нужно освежить прическу», – подумала она, расстегнула свою кожаную сумку, наполненную тетрадями и книгами, и отыскала там гребешок из яблоневого дерева. Подойдя к зеркалу, Берта бросила взгляд

на себя. Туго стянутый резинкой «хвостик» выбивался упрямыми прядями, глаза смотрели робко и неуверенно, яркий красный свитер раздражал, поскольку только больше привлекал внимание, джинсы потертого синего цвета...

«Да...» – разочарованно вздохнула Берта. А ведь раньше она была совсем другой. Наспех причесав волосы,

Берта решительно направилась в соседнее кафе на ланч.

Берта, Берта...

Если бы ты чуть подольше посмотрела на себя в зеркало, ты бы увидела настоящую себя: юную, звонкую, смешливую, которая одевается только в цветущие платья, добрые улыбки и хорошее настроение!

Глава 2.

После работы Берта возвращалась домой на метро. В стокгольмском метро некоторые станции находятся внутри настоящих скал, как пещеры, и девушка любила прикасаться к этим древним камням, к кусочку природы в шумном переполненном городе.

Стокгольмские одинокие вечера такие же простые и бесхитростные, как и в любом другом городе мира.

Переодевшись в уютную мягкую домашнюю одежду и приготовив себе сытный салат из семги и зеленой фасоли, Берта забралась с ногами в глубокое кресло и открыла книгу. Сосредоточиться не получалось, буквы плясали в глазах канкан, а в квартире снизу заиграла нежная и мелодичная музыка.

«Очередной романтический ужин у моих любимых пенсионеров», – с улыбкой подумала Берта. По соседству жила пожилая супружеская чета. Они до сих пор гуляли, держась за руку, и, хотя окружающие посмеивались, что причиной тому слабое здоровье обоих, Берта продолжала свято верить в их любовь.

Любовь. Сколько книг и историй она прочла об этом чувстве, а, кажется, так до сих пор ничего и не поняла.

До встречи с Джонатаном Берта ходила на свидания с некоторыми приятными молодыми людьми, но, пожалуй, они не заслужили в ее сердце подробного описания. Иногда Берта сравнивала свои жизненные впечатления с книгами. Есть книги, которые поселяются в самых драгоценных комнатах нашей души; именно их мы ставим на видное место в дубовом книжном шкафу со стеклянными дверцами и, проходя мимо, даже, бывает, нежно гладим их корешки и переплеты, словно приветствуя дорогого друга. А бывают книги, которые мы прочли и не почувствовали ни малейшего изменения в себе. Они стоят во втором ряду и на нижних полках шкафа.

Так вот, Джонатан был ее «золотой книжной коллекцией». Он, как коллекционное редкое издание, смотрел на Берту из глубин ее памяти. Как бы ей хотелось до него дотронуться и удостовериться, что он существует на самом деле. Но она даже не знала, где он сейчас.

Часы пробили двенадцать, и Берта стала готовиться ко сну.

«Завтра надо не забыть позвонить маме», – пришла к ней мысль перед сном.

«Завтра хорошо бы написать Берте», – подумала ее мама.

«Завтра попробую найти электронный адрес Берты», – с надеждой глядя на спокойное, тихое море в Греции, подумал Джонатан.

Глава 3.

Раннее утро прокралось в квартиру Берты неопытным воришкой. Солнце отражалось в зеркалах, и его настойчивые лучи все-таки выманили Берту из постели. Заправив еще спящую кровать бежевым покрывалом, девушка побрела на кухню варить кофе.

Берта любила сервировать стол, даже если завтракала или ужинала одна. Постелив отутюженную салфетку, девушка накрыла себе завтрак: кофе в бирюзовой кофейной чашке, свежее молоко в белом молочнике, дымящийся омлет с зеленью.

По утрам Берта всегда проверяла почту, так как иногда ее отправляли с рабочими поручениями в разные организации, и тогда она проводила день в разъездах. Сложно сказать, что ей нравилось больше – целый день проводить в душном, но тихом помещении городского архива или ездить на велосипеде по городу, успевая между визитами перехватить чашечку кофе, несколько стихотворений и шарик миндального мороженого. Пожалуй, сегодня она предпочла бы второй вариант, но внезапно появился и третий – пришло письмо от мамы с пометкой «Срочно!».

Берта тут же открыла его.

«Дорогая Берта... Мне жаль сообщать тебе об этом, но бабушка Луиза покинула нас вчера утром. Тебе нужно приехать в Миттенвальд сегодня же. Целую, жду. Мама».

Берта прочитала письмо несколько раз, чувствуя, как в горле все сжалось.

Для надежности она еще прикрыла ладонью рот, так как не привыкла выражать свои чувства, а крик уже подступал. Машинально закрыла прозрачной крышкой омлет, чтобы не остыл – так всегда делала мама. Подойдя к письменному столу, Берта быстрыми движениями перелистала конверты с письмами – они лежали аккуратной стопкой в углу письменного стола. Где же он, где же этот конверт? Вот он, нашла!

Обычный скромный конверт с почтовыми марками. А внутри письмо – четыре стройно исписанных листочка с рассказами о погоде в крохотной деревушке близ Мюнхена, описанием зимних вечеров за чаепитием и чтением.

Это письмо бабушка Луиза прислала Берте два месяца назад. Берта тогда отправила ей письмо, открытку и футляр для очков.

Как же может быть, что ее вдруг не стало?

Бабушка Луиза не приходилась Берте родной бабушкой, как и матерью для ее мамы или отца. Когда-то давно у Берты была двоюродная сестра, и это была ее бабушка. Но у фрау Луизы был такой добрый и широкий, как летнее ромашковое поле, характер, что в большой семье она стала бабушкой для всех.

Берта постепенно начала осознавать случившееся. Приложив дорогое письмо к своему сердцу, она беспомощно и беззвучно расплакалась.

Затем Берта отправила электронное сообщение на работу, отпросилась на неделю, заказала билет на самолет Стокгольм-Мюнхен, быстро оделась. Собрала в дорожную сумку вещи: паспорт, деньги, немного одежды, сменную пару обуви, две книги; заплела непослушные золотистые волосы в косу, укуталась в теплый шарф в рыже-кофейную клетку и выбежала из квартиры, захлопнув дверь в своем безмятежном и комфортном мире.

Тогда она еще не знала, что покидает этот дом навсегда.

Глава 4.

Автобус мчался по трассе в аэропорт Стокгольма.

Сокрушенно разглядывая пейзажи за окном, Берта не сразу обратила внимание, что дерзкий апрель уже вступил в свои права. Повсюду уже настойчиво проклевывалась буйная зелень, как будто всю зиму ее намеренно держали взаперти. «Наверное, в бабушкиной деревушке сейчас солнечно и живописно», – с грустью вздохнула Берта.

В аэропорту она купила газету и в зале ожидания рассеяно листала ее. Заголовки статей расплывались перед глазами, но один привлек внимание девушки: «Несколько талантливых шведских юристов выиграли самый сложный процесс в Греции». В статье было описано сложное судебное дело, и Берта, вспоминая свои юридические познания, искренне порадовалась честной победе коллег.

«Джонатан тоже стал блестящим юристом», – промелькнула у нее внезапная мысль. «Мало ли шведских юристов работает в Греции?» – тут же отозвалась другая, которая была голосом рассудка.

Объявили посадку, и Берта, взяв сумку, направилась к железной птице, которой суждено было отвезти ее в родное гнездо.

Берта пристегнулась и все время пути просмотрела в холодный глаз иллюминатора, где среди белоснежных, словно свежестырированных облаков ей виделась воздушная сладкая вата из ее несладкого детства. А над облаками сияло солнце, озаряя все вокруг. «Как улыбка бабушка Луизы», – вспомнила Берта и резким движением протерла щеку, чтобы горькая слезинка не упала и без того в горький кофе, для которого почему-то закончились сливки.

Самолет приземлился ровно по расписанию, и Берта пересела в знакомый и родной автобус, который повез девушку из Мюнхена в тихую баварскую деревушку. Навстречу страхам, боли расставания, удивительным совпадениям.

Навстречу самой себе.

Глава 5.

Альпийские луга раскинулись за окном автобуса, словно потерянные из памяти страны. Сколько раз Берта еще ребенком сбегала сюда – к тишине гор, ослепительной зелени травы, согревающему солнцу.

В строгом и величественном Мюнхене ей было тесно и неуютно из-за быстрого ритма большого города и ссор родителей, которые уже на протяжении многих лет не держались за руки, не смеялись над шутками друг друга, не выбирали вместе книги и не гуляли в парке. Дома не зажигали свечи, не рисовали, кроме как по заданию колледжа, не пекли имбирное печенье и не говорили по душам.

Все это Берта с избытком находила в сказочном Миттенвальде, в уютном доме бабушки Луизы. Бабушка приглашала ее к себе по выходным, а иногда и на каникулы, и тогда не было на свете девочки счастливее Берты.

Сейчас, глядя в прозрачное стекло автобуса, Берта так и видела себя маленькую: курносую девчушку с двумя заплетенными косичками в ярком ситцевом платьице и легких балетках. Вот родители подвозят ее к любимому дому. Он похож на кукольный: на окнах вишневые ставни, крыша у него черепичная, а сам он словно сложен из шоколадных коричневых бревен. И на пороге их уже встречает бабушка Луиза.

На ней воздушное голубое платье, и, если поднимается ветер, из-под длинного подола выглядывают аккуратные кремовые туфли. Волосы у бабушки уложены, как всегда, в скромную прическу, и она наспех вытирает руки кухонным клетчатым полотенцем. Уже издали, выходя из машины, Берта слышит ее залихватский смех и задорный голос, а улыбка не сходит с ее лица, словно бабочка, расправившая крылья.

Родители вместе с Бертой проходят в дом, пьют чай со свежим яблочным штруделем, назидательно целуют Берту в лоб и уезжают.

А у Берты с бабушкой Луизой черед неспешных, но хлопотливых дней: они готовят сытные деревенские завтраки, собирают цветы в корзинки у подножия Альп, шьют наряды куклам, читают книги, замороженно смотрят на дрожащие ленточки пламени в камине.

– Следующая остановка Миттенвальд, – ворвался без стука в ее воспоминания громкоговоритель.

«В чем же встретит меня бабушка Луиза сегодня?» – с грустью подумала Берта. «Сейчас она, наверное, уже не у себя дома, а в церкви, в продольном деревянном ящике, и ей там страшно одиноко...»

Внезапно ей захотелось бежать, бежать далеко отсюда, от этой ужасающей действительности, с которой ей предстояло встретиться. Спрятаться, затеряться в бескрайних зеленых лугах и ни о чем не думать.

«Пока я не думаю о том, что она умерла, она для меня жива!» – с отчаянием мысленно проговаривала Берта. Но делать нечего – ей уже не десять лет, и проститься с любимой бабушкой было ее долгом. Мысленно лихорадочно перебирая свою дорожную сумку, девушка поняла, что в спешке не взяла подходящей одежды для похорон.

– Миттенвальд, – снова громкогласно оповестил строгий голос, и Берта, с неохотой повинаясь ему, вышла из автобуса. «Мой любимый, родной городок», – прошептала она. До сих пор она помнила свои первые впечатления от Миттенвальда.

Маленькой девочкой она попала в это удивительное место, окруженное заснеженными могучими горами, зелеными шумящими лесами, тихими безмятежными озерами. «Городок посреди леса» – так переводится его название. Сохранилось множество старинных домов в два и три этажа, их стены расписаны библейскими сценами. По этим картинам бабушка Луиза рассказывала Берте сюжеты из Евангелия.

Живописные вывески гостеприимных пекарен и кафе, памятник Ее Величеству Скрипке – все напоминает театральные декорации. Миттенвальд называют городом скрипичных мастеров благодаря мастеру Маттиасу Клотцу, который жил здесь когда-то. Скрипки вырезают в городе и поныне, здесь царит атмосфера творчества и искусства.

Балконы домов увиты цветами, городок ухожен и красив, как будто сошел со страниц детских сказок.

Берта не была здесь около года, и за это время у станции открылись новые лавки и магазины. «Возможно, я найду там что-нибудь черное», – с надеждой подумала Берта и зашла в первый магазин.

– Могу ли я вам помочь? – учтиво обратилась к ней приятная дама лет сорока пяти с темными волосами, подстриженными элегантно каре, в приталенном синем жакете и прямой юбке.

– Да, пожалуйста, – замялась Берта. – Мне нужно подобрать черный костюм или платье.

– Сегодня вы уже не первая девушка с такой просьбой. Наверное, вы приехали на прощание с фрау Луизой? – мягко и ласково спросила она.

– Да, вы правы. Она была дорога многим, уверена, придет очень много друзей и близких, – сдержанно ответила Берта. Она была достаточно закрытой и не готова была откровенничать с незнакомцами.

– Давайте посмотрим вот эти три платья, – Берту проводили в примерочную, где она примерила все три одеяния безутешной печали.

Она так редко носила платья, что даже удивилась своему отражению в зеркале. Она стала взрослее, глаза смотрели прозрачно и вдумчиво, волосы колосились, как спелая золотистая рожь.

Берта решительно выбрала третье, самое скромное, платье длиною чуть ниже колена с длинными рукавами и белым кружевным воротничком. «Бабушка бы расстроилась, увидев меня полностью в черном», – оправдывала она себя. Бабушка всегда говорила, что даже в самые черные и тяжелые времена нашей жизни мы не должны забывать о слабом, но согревающем проблеске надежды.

«Этот кружевной воротничок будет моим символом надежды во время похорон. Это будет мой спасательный круг, рука друга, если я начну тонуть в потоке моих слез или воспоминаний», – решила Берта и, поблагодарив продавщицу, направилась в платье к церкви, где уже толпились люди и большими корзинами вносили цветы.

Глава 6.

Остроконечный шпиль на церковной колокольне пронзил апрельское лазурное небо, и облака сбежали от него, предпочтя поиграть в салки в солнечных переливах высоко над землей.

Берта остановилась, не решаясь войти в церковь, тихую обитель, где новорожденных крестят в медной купальне и где затем однажды провожают в неизведанный путь.

Берта не могла назвать себя глубоко верующей. Она редко бывала на мессах, не ходила на исповедь, не молилась дома. Но она чувствовала, что где-то в ее сердце жил свет, и в сложные периоды жизни он пробивался наружу, как робкие бутоны подснежников в конце зимы, и помогал ей.

В детстве родители часто ссорились, и Берта мысленно умоляла, чтобы это прекратилось. Со временем они развелись, и Берта не знала, считать ли это ответом на ее мольбы – ведь ей всего лишь хотелось, чтобы они лучше ладили.

Но сейчас, стоя в черном, как ночь, платье, перед церковью, где ждала ее любимая бабушка, Берта вздохнула и произнесла совершенно искренне: «Господи, пожалуйста, прими мою бабушку Луизу к себе. Прошу тебя, Господи! Аминь.»

Идти стало легче, и Берта проскользнула в приоткрытую высокую дубовую дверь. Церковь освещал приглушенный свет, горели свечи, витал аромат цветов и ладана. Ровными рядами, словно на параде, выстроились скамейки. Все они были заполнены людьми.

Вдалеке Берта увидела свою маму Эленор и нескольких дальних родственников. Все они были одеты так элегантно, насколько позволяет скорбь. Берта сделала маме знак рукой, и они встретились у большой колонны.

– Здравствуй, милая, мне так жаль, – протянула к ней руки мама.

Они обнялись, и Берта удивленно произнесла:

– Сколько же здесь людей, мама.

– Да, дорогая, бабушка была таким добрым и светлым человеком. Здесь и родственники, и соседи, и друзья. Многие, как и ты, приехали из других стран проститься с ней. Кстати, возможно, этот комплимент неуместен, но тебе очень идет это платье, – мама старалась быть ласковой.

Эленор в любом возрасте и при любых обстоятельствах

умела выглядеть хорошо. После развода она больше времени уделяла себе и сейчас была утонченно красива: широкие черные брюки, женственный пиджак, классические лодочки на шпильке. Волосы аккуратно уложены на косой пробор – такие же светлые, как у Берты. Изящная оправа очков отвлекала внимание от ее пронизательных серых глаз.

– Спасибо тебе, мама, – поблагодарила Берта. – Ты прекрасна, как всегда. Прощание скоро начнется?

– Да, Берта, мы пойдем одними из первых, среди родственников, – уточнила мама.

Скоро начали происходить события, которые Берта почти полностью пропустила – отчасти от того, что ее взгляд был прикован к скромному деревянному гробу с открытой крышкой. Когда началось прощание, ноги у Берты стали словно ватные, и она с трудом подошла к бабушке. Подойдя ближе, она вдруг отчетливо поняла, что это уже не бабушка. Было очень странно смотреть на любимого человека и понимать, что он не дышит. Не говорит. Не смеется. Не живет.

По щекам Берты потекли ручейки слез. Она наклонилась к бабушке и поцеловала ее. Волосы у фрау Луизы были

уложены, а на ней оказалось то любимое Бертой длинное бирюзовое платье. Она по-прежнему была красива, но теперь была похожа на большую тряпичную куклу. Берта вздрогнула от этой мысли и почувствовала, что бабушка уже где-то далеко-далеко. Фрау Луиза верила в Бога, и Берта всей душой надеялась, что бабушка теперь рядом с ним.

Бабушка Луиза мирно лежала в своей последней, такой неуютной постели, и ее лицо озаряла светлая улыбка. «Даже сейчас она единственная среди нас, кто так искренне улыбается», – вдруг осенило Берту. И поняла, что бабушке сейчас должно быть радостно и хорошо.

Она бросила взгляд на корзины с цветами – ими были заполнены все соседние столы. «Я принесу тебе чуть позже наших альпийских цветов, бабушка», – горячо пообещала Берта и села в уголок на скамью.

Глава 7.

На кладбище Берте было не по себе, и она затерялась среди скорбящих родственников. После того как на месте вырытой ямы появился аккуратный холмик с деревянным крестом, девушка захотела остаться со своей скорбью наедине. Она предпочитала неслышимый диалог со своими чувствами и мыслями громким рассказам о жизни и добром нраве фрау Луизы.

Природа, несмотря на то что сегодня состоялось такое угнетающее и печальное событие, пела оду зарождавшейся весне. Берта шла к знакомым улочкам Миттенвальда через залитый медовым солнцем зеленый луг. Первые цветы уже показались из прохладной земли и нереша-

тельно поглядывали по сторонам. Ветер слегка раскачивал их, как нежные колокольчики, и они тихо шептались между собой.

Берта вышла на дорогу. Тяжелая сумка уже порядком вытянула правое плечо, и усталость накрывала ее, как теплое пуховое одеяло. «А куда же я иду? – очнулась от своих дум Берта, – нужно проверить, есть ли места в гостинице». Но ноги сами вели ее туда, куда больше всего тянулось ее сердце – к коричному домику с вишневыми ставнями. Берта подошла к нему и остановилась.

Дом был по-прежнему ухожен и густо выкрашен, у входа лежал чистый половичок, а в саду и на лестнице у порога распускались персиковые крокусы и веселые, солнечные нарциссы.

Но дом был одинок, как покинутое дитя. Никто не раздернул занавески сегодня утром, и дом, казалось, спал, преданно ожидая свою хозяйку. «Она больше не придет», – осторожно прошептала ему Берта и только сейчас действительно осознала это. Не в силах сдерживать больше слезы и отчаяние, Берта присела на свою сумку у ажурной ограды дома и горько заплакала.

Сколько прошло времени, она не знала, но когда она немного успокоилась и рыдания утихли, она потеряла и без того красные глаза и увидела перед собой женщину. Та смотрела на нее с тихим, как сон ребенка, состраданием, и ждала, когда же девушка будет готова поговорить.

– Мы знакомы с вами? – спросила Берта. Звук ее собственного голоса показался ей чужим и далеким.

– Ты, наверное, не помнишь меня. Меня зовут фрау

Матильда, мы с твоей бабушкой много лет были дружны, – мягко ответила ей женщина.

Берта внимательно посмотрела на нее, изучая выющиеся короткие темные волосы, взбитые, как свежие сливки, и перехваченные простым белым платком. На темное платье повязан серый передник в мелкую розочку – видимо, фрау Матильда тоже шла с похорон, но уже успела забежать домой и приготовить своему мужу чашку кофе с вафлями. Фрау Матильда была полной, простодушной, доброй, с такой обезоруживающей улыбкой, и Берте стало так неловко, что она не помнит ее, хотя...

В ее памяти, как со дна тихой реки, всплыло милое детское воспоминание: вот она, Берта, в легком апельсиновом платьишке, идет собирать ягоды; в руке у нее плетеная корзинка, в которой составлены пустые звенящие стеклянные банки. Слева и справа от нее идут две смеющиеся радостные молодые женщины в пестрых длинных юбках и белых блузах. Все трое размахивают корзинками и перешагивают через ручейки дождевой воды, что паутинкой опоясывают весь лес. А еще они пели песню... И Берта вполголоса стала напевать мелодию.

– Ты вспомнила, Берта! Ты вспомнила! – радостно

воскликнула фрау Матильда, и, казалось, даже ее завитые кудряшки запрыгали от восторга.

– Да, фрау Матильда, конечно, – с улыбкой ответила Берта и оглянулась по сторонам. Дорожная сумка совсем помялась, и по ней ползали муравьи. Дом по-прежнему безмолвствовал, а солнце уже светило мягко и нежно, освещая баварский весенний тихий вечер.

– Мне очень жаль, Берта, – произнесла фрау Матильда. То есть она не сказала этого вслух – она только взяла руку девушки в свою ладонь, и так они сидели несколько минут.

– Давай зайдем внутрь? Ты еще не отдыхала с дороги – попьешь свежий клюквенный морс, переоденешься, – первой нарушила молчание бабушкина подруга. Берта с недоумением посмотрела на нее.

– У меня есть второй ключ, Луиза оставляла мне его на всякий случай. И мой старший сын, нотариус, занимался юридическими делами твоей бабушки, и я могу тебя заверить, что уж кто-кто, а ты имеешь право входить в этот дом, – и она таинственно улыбнулась. – Скоро ты все узнаешь, а пока тебе нужно умыться и отдохнуть.

С этими словами фрау Матильда достала из кармашка передника связку ключей. Они открыли белую калитку,

прошли по узкой дорожке, поднялись по ступеням и открыли массивную входную дверь, выкрашенную в молочный цвет и похожую на дольку белого шоколада, затерянную среди остального коричневого великолепия ладных бревен. Дверь открылась легко и доверчиво. Берта и фрау Матильда вошли в дом, захватив с собой сумку, а заодно и взяв с собой незваных гостей – растерявшихся муравьев, которые не успели вовремя покинуть свой новый уютный муравейник.

Глава 8.

Берта боялась, что опустевший дом отпугнет ее своей безжизненностью. Отсутствием запахов и звуков. Одиночеством. Но ее опасения разбились и разлетелись по потертому полу.

«Здравствуй, мой хороший», – подумала про себя Берта, оглядываясь и рассматривая дорогой сердцу домашний очаг.

Фрау Матильда тактично стояла в прихожей, заправляя выбившуюся прядь волос под платок, а девушка прошла дальше. Дом встречал ее со всем своим гостеприимством. В прихожей ютилась крепкая деревянная скамья, в уголках которой по-хозяйски расположились мягкие подушки с вышивкой. Дверь на кухню была открыта: там стоял широкий стол, накрытый скатертью, а на столе – глубокая чаша с апельсинами и яблоками. Шесть крепких стульев с высокими спинками словно приглашали к чаепитию или обеду.

Рядом с раковиной возвышалась горка чистой посуды: пара фарфоровых тарелок с кружевной каймой, чайные пары, изящные ложки. Кремовые кухонные шкафы и полки были заполнены жестяными красочными банками с надписями «сахар», «соль», «мука», «травы», «кофе». Вдоль стены под шкафом на крючках покачивались чашки, красные в белый горошек.

Спальня была приоткрыта: широкая постель была застелена мягким покрывалом, рядом стояли два белых кресла, на одном из них лежала раскрытая книга.

Недочитанная книга...

Берта прошла в библиотеку. Вдоль стен чинно и важно, ровными рядами, выстроились высокие шкафы из орехового дерева, заполненные книгами. Фрау Луиза любила порядок, и на ее книжных полках было легко найти то, что нужно. Только она ставила книги не в алфавитном порядке, придумывая разные названия для секций шкафа: книги о весне, зиме, лете или осени; книги о любви, путешествиях, приключениях; биографии, исторические романы.

Когда-то давно Берта проводила здесь множество безмятежных счастливых часов.

Здесь же стоял письменный стол бабушки, за которым она писала письма. Бабушка не любила электронную почту и писала настоящие живые весточки семье и друзьям. Берта с умилением отметила на столе подставку для писем, украшенную незатейливым рисунком (на ветке розового куста сидела любопытная птичка), чернильницу, набор перьевых ручек. Стопку чистых конвертов. Поздравительные открытки. Акварельные краски, папку с белоснежными листами тисненой бумаги, подточенные цветные карандаши – бабушка тоже любила рисовать по утрам.

Берта вышла на террасу с видом на скромный сад. Он был ухоженным и милым, и Берте не хотелось думать, что скоро все здесь зарастет травой.

В доме было еще три небольшие комнаты, но бабушка редко их открывала – они уже давно пустовали. Когда-то там был кабинет дедушки и детские спальни. Потом фрау Луиза стала хранить там свои любимые вещи: в одной комнате отдыхало старинное коричневое расстроенное пианино, а в других – разнообразные сундуки.

В одном фрау Луиза хранила текстиль для дома на все сезоны: шторы, скатерти и подушки.

В другом – альбомы с фотографиями и письма.

В третьем – свои любимые платья, которые ей уже не подходили по размеру или возрасту, хотя того самого «возраста» за ней никто не замечал.

Сундуков было шесть или семь, и в предыдущий приезд Берты бабушка поделилась с ней небольшим секретом. В одном из них хранились мечты фрау Луизы и ее несбывшиеся надежды.

Глава 9.

– Что это за сундук с мечтами, бабушка? – спросила тогда Берта у фрау Луизы. Берта вспомнила, как бабушка расправила платье с широкой юбкой, удобно устроилась на серый диван и ответила:

– Понимаешь, Берта, ты еще очень молода, тебе кажется, что у тебя вся жизнь впереди, и все, что ты хочешь сделать, успеется. И когда у тебя появляется новая смелая мечта, ты ее откладываешь в «сундук мечтаний».

Например, ты мечтаешь открыть книжный магазин. Ты видишь его в своем воображении: высокие деревянные стеллажи, заполненные книгами, авторские открытки, небольшая гостеприимная кофейня на входе, удобные столы для чтения, оборудованные лампами. Но ты ничего не знаешь об открытии магазинов и отгоняешь от себя эти мысли, посещая другие книжные магазины и замечая в них все недостатки. Но мечта по-прежнему живет в твоём сердце.

Или ты мечтаешь стать дизайнером интерьера, но боишься провала и не делаешь даже маленьких шагов в сторону своей мечты. Или ты хочешь каждое утро ездить на работу на велосипеде по утреннему просыпающемуся парку, задевая педалями влажную от росы траву, но боишься гуляющих в парке собак, и твой велосипед живет в кладовке.

И так на протяжении жизни люди откладывают свои мечты. Из-за надуманных страхов, боязни разочарования. Люди предают свои мечты, потому что им не на что и не на кого опереться. Получить поддержку и помощь, любовь и защиту.

Все это можно получить, молясь Богу. А ты хоть изредка молишься Богу? Говоришь с ним?

Большие мечты занимают полсундука, им тесно, они нервничают, толкаются локтями, как в переполненном вагоне метро, и все чаще падают духом. Маленькие мечты: найти любимую книгу, позавтракать в кафе, увидеться со старым другом – занимают все больше места, раздражая мечты большие. И вот человек годами носит с собой этот сундук мечтаний и удивляется – почему ему так тяжело и несчастливо живется? Раньше люди жили, больше следуя голосу сердца и совести, старались жить по Божьим наставлениям и были намного счастливее.

Берта коснулась дивана, на котором тогда они говорили с бабушкой, и почувствовала прилив благодарности к этому осиротевшему свидетелю их доверительного разговора.

Фрау Матильда подошла к ней и ласково взяла за руку:

– Морс уже на столе, дорогая, и я нарезала черничный кекс. – Девушка послушно последовала за ней в кухню-столовую.

За окнами с вишневыми ставнями затихал долгий утомительный день. В наступающих сумерках горы встали надежной крепостной стеной вокруг засыпающего Миттенвальда.

Выпив клюквенного морса и перекусив кексом, Берта наскоро умылась, и проводив фрау Матильду с тысячей благодарностей, закрылась на ключ и легла на диване в библиотеке.

Засыпая, она смотрела на родные и знакомые корешки книг, на свет уличного фонаря, в котором летали крохотные мушки, на усыпанное звездами бескрайнее ежевичное небо.

Здесь было так хорошо и спокойно, что впервые за долгое время Берта вдруг почувствовала себя дома.

Глава 10.

Утром Берту разбудил настойчивый стук в дверь. Девушка открыла глаза и не сразу поняла, где находится. События последних двух дней длинным шлейфом шелестели в ее памяти.

Стокгольм, звонок, перелет. Мюнхен, черное платье, церковь, прощание с бабушкой.

Любимый дом. Утреннее солнце застенчиво пряталось за легкими светлыми шторами, как смущенная невеста за фату.

Берта поднялась с дивана, забросила его одеялом и поспешила из библиотеки к входной двери. Настойчивый стук повторился.

Так могла стучать только мама – короткими, уверенными очередями строгих звуков – поэтому Берта открыла дверь, даже не посмотрев в глазок.

На пороге действительно стояла мама. Сегодня Эленор к тем же элегантным брюкам надела шоколадный кашемировый свитер, изысканно уложила волосы. Мама сдержанно улыбалась, и казалось, скрывала некий важный секрет, который ее совсем не радовал.

– Доброе утро, милая! – произнесла мама, пройдя в дом. – Вчера за ужином я не заметила, как ты ушла, но потом я встретила фрау Матильду, и она рассказала мне, что ты здесь. Как ты спала?

– Доброе утро, мама, – отозвалась Берта. – Прости, что я ушла, не предупредив тебя, мне нужно было побыть одной. Спала хорошо, в этом доме всегда крепко спится. Здесь пахнет деревом. И тишиной...

Берта говорила, одновременно протирая стол и ставя на газовую плиту кофеварку.

– Я взяла свежие булочки в пекарне, вот, еще горячие, – мама заботливо передала хрустящий бумажный пакет. – А я тоже выпалась в гостинице, люблю там отдыхать. Там чувствуешь себя так свободно, никаких лишних вещей, – мама скептически осматривала бабушкин шкаф для посуды, уставленный разными тарелками, чашками и милыми вышитыми картинками.

– А мне тут нравится, – улыбнулась Берта, разливая по чашкам дымящийся кофе. – Бабушка так долго жила здесь, конечно, вещей накопилось много, но и она накопилась в них. И здесь никогда не было беспорядка, она умела все расставить и развесить красиво и со вкусом. Пока что я бы

здесь ничего не меняла, – осторожно добавила она. Берта боялась, что бабушкин дом теперь продадут и здесь будет гостиница или чужой дом, а бабушкины вещи и сундуки окажутся на улице или в антикварных магазинах. Мама бросила на дочь один из своих самых орлиных взглядов, хотела что-то сказать, но сдержалась.

Нет, не сдержалась.

Поведя бровями, она сказала:

– Берта, возможно, именно тебе предстоит решить судьбу этого дома. Нас пригласили в нотариальное бюро, но так как нотариус бабушки – это сын фрау Матильды, он любезно согласился подойти прямо сюда. Он будет через полчаса, ты как раз успеешь привести себя в порядок.

Берта закашлялась, отпив горячий кофе. Нотариус? Дом? Что все это значит?

Доедая на ходу булочку с медом, Берта убежала в ванную, заплела свои длинные волосы, надела свежую бирюзовую блузку и джинсы. Выглядела она неплохо и даже привлекательно. Берта вернулась в кухню, допила кофе, послушала мамины истории о вчерашнем ужине. Мама говорила вполголоса, а Берта слушала вполуха.

За окном просыпалась жизнь.

Оживали дома, повсюду раскрывались ставни и хлопали двери. Веселый апрельский ветерок старался сорвать головные уборы с первых прохожих. Открывались овощные и фруктовые лавочки и радушные кондитерские, хозяйки поливали цветы и зелень в своих садах. Где-то вдали слышалось пение скрипки, чувствовался запах свежего горячего хлеба и молока.

Солнце уже поднялось высоко и освещало величественные горы, когда в дверь постучали. Мама поднялась, чтобы сварить гостю кофе, а Берта направилась к двери. На пороге стоял молодой мужчина с таким же добродушным, как у фрау Матильды, лицом. Глаза его смотрели честно и прямо, расправленные плечи и широкая улыбка совсем сбили с толку Берту, ведь им предстоял разговор о завещании. Разговор, приправленный скорбью и чувством утраты. Но, похоже, для гостя правила учтивости стояли выше скорбных предписаний, и он приветствовал Берту бодро и жизнерадостно. Нотариус был одет в белую

рубашку, джинсы и повседневный твидовый пиджак цвета весенней зелени.

– Ханс Миттен, – представился он и энергично пожал Берте руку. Берта охотно пожала ее.

– Берта, – ответила она. – А это моя мама, фрау Эленор, – представила она маму, которая уже накрыла поднос с кофейными чашками и сливочником.

– Пожалуйста, проходите! – отозвалась Эленор.

Ханс прошел в дом, изучая все вокруг живым и любопытным взглядом.

– Здесь очень уютно, – отметил он, усаживаясь за стол.

– Мы вас слушаем, – стараясь говорить спокойнее, сказала Берта. – Вы были нотариусом бабушки, верно?

– Да, именно, – пробуя кофе, ответил Ханс.

– Не буду мучить вас ожиданием, наверняка у вас уже появилось много вопросов. Дело в том, что у фрау Луизы, несмотря на многочисленные родственные узы, не осталось прямых наследников. Два месяца назад она пригласила меня к себе, и мы составили завещание. Фрау Луиза была очень бережливой и жила на скромные средства, ей удалось накопить кое-что. Поэтому некоторым родственникам она

завещала значительные суммы денег, своему племяннику – акции в банке, а вам, Берта, – этот дом.

Берта поднялась со стула и отошла к окну. Она ошеломленно пыталась осмыслить услышанное. Эленор нервно постукивала пальцами по столу.

У Берты, конечно, была квартира родителей в Мюнхене. У нее была съемная квартира в Стокгольме. Но свой дом... Свой собственный уютный дом, затерянный в тихом городке у подножия Альп! Она не могла в это поверить, но счастье уже украдкой пробиралось в ее сердце, по пути сбрасывая с чаши весов все возможные возражения.

– Что мне нужно теперь сделать? – наконец спросила она у Ханса.

Улыбнувшись, он ответил:

– Нам нужно уладить кое-какие бумаги, и дом официально перейдет к вам. Я очень рад!

– А вы почему рады? – изумилась Берта.

– Потому что этот дом будет жить. Я часто бывал здесь в детстве и полюбил его. А сейчас мне пора идти. Оставляю вас дома. До скорой встречи и спасибо за вкусный кофе, – и Ханс, попрощавшись, поспешно вышел на залитую солнцем

улицу.

«Спасибо, бабушка!» – мысленно воскликнула Берта, глядя в небесную твердь над горами.

– Нам нужно поговорить, – серьезным тоном проникла в ее мысли Эленор.

Глава 11.

Берта обреченно села на стул.

Она понимала, что все не так просто. Чтобы жить в этом доме, ей нужно уволиться с работы в Швеции, перевезти вещи, и потом здесь тоже нужно чем-то заниматься: искать работу, устраиваться заново. Писать свою жизнь с чистого листа. Но ей было здесь так хорошо, что она верила в то, что справится. Она уже приоткрыла свой сундук с мечтами, и теперь он совсем не хотел закрываться, как будто замок на его тяжелой крышке сломался.

Эленор говорила и говорила, а Берта только слушала.

– ...Подумай о своем будущем! – завершила мама длинный монолог о жизни Берты, ее неустроенности, о том, как она не оправдала родительских надежд.

«Не волнуйся так, мама. Я не оправдала и собственных надежд. Я изменила большинству своих желаний, хотя все они были чистыми и добрыми. Я любила рисовать, любила домашний уют, мечтала стать дизайнером и помогать другим жить в окруженных заботой домах. Теперь я дипломированный юрист, который работает в архивном

отделе в городе, где все напоминает о моей потерянной любви – ведь и замуж я отказалась выйти, чтобы угодить вам! Я так больше не могу. Я понимаю твое беспокойство, но я хочу остаться в этом доме и этом городе. Я найду себе достойное занятие. Я люблю тебя, но это мой выбор», – собиралась выпалить Берта те выводы, к которым она пришла во время своих продолжительных визитов к психологу. Но не смогла.

Она просто от всего сердца сказала:

– Мама, спасибо тебе за заботу и внимание. Уверю тебя, я справлюсь. И буду здесь очень счастливой. А тебе бы хотелось именно этого, правда?

Мама выглядела на удивление безмятежно.

– Только не жди, что я приеду помогать тебе с переездом, – по-доброму проворчала она.

На самом деле, Эленор давно корила себя за разлад дочери с Джонатаном. Он был успешным юристом, добрым и достойным человеком, а главное – он так любил ее дочь. Они могли бы быть счастливой семьей.

Эленор не могла не заметить, как плохо расставание с Джонатаном сказалось на дочери: она совсем закрылась, мало с кем общалась, пряталась в своей работе и книгах, как

будто навсегда осталась жить за кулисами настоящей волнующей жизни.

Сейчас, когда Берта решила отстаивать свое право жить так, как ей хотелось, Эленор увидела в дочери отблески прежней уверенной в себе Берты. «Может быть, ей это пойдет на пользу», – задумалась Эленор и крепко обняла дочь.

– Сегодня днем я возвращаюсь в Мюнхен. Я рада за тебя. Советую тебе как можно скорее решить вопрос с работой. Я люблю тебя, звони, если нужна будет помощь.

Берта прикрыла за мамой дверь, обняв ее на прощание, и стала искать свой телефон, чтобы позвонить в Стокгольм. Телефона у бабушки дома тоже не было. Резкий звон ее раздражал, и она предпочитала письма или личные встречи.

Берта с радостным смятением оглядывалась по сторонам. В этом доме с вишневыми ставнями царили тишина, уют, покой и любовь.

Лучшее место для свидания с самой собой – или той, кем ты хочешь стать.

Глава 12.

Джонатан торопливо вышел из трехэтажного дома в жарких Афинах и размашистым шагом направился в бюро.

Три года назад он приехал сюда из родного Стокгольма, но до сих пор не мог привыкнуть к греческому климату. Иногда он выезжал с коллегами на пляжи Эгейского моря: оно было чистым, изумрудно-синим и ласковым, но для Джонатана – слишком теплым, как перегретое молоко. Он любил море, но его море было другим – северным и леденящим, с прохладными ветрами и частыми дождями. Над его родным северным морем нависшее хмурое, грузное небо было похоже на серые плотные холщовые паруса и не навевало грусть, а успокаивало его.

Пестрые и шумные Афины вызывали в нем тоску по спокойным терракотовым улочкам Стокгольма, шпилям его церквей, невозмутимым тихим озерам.

Он не планировал оставаться в Греции надолго, но здесь так удачно складывалась его юридическая карьера, что он решил задержаться. Джонатан много работал, а в свободное время гулял по зеленым паркам и журчащим разговорами

площадям, убегая от самого себя.

Однажды в парке он познакомился с девушкой. Она читала ту же нашумевшую книгу, что и он, и Джонатан подумал, что узнать ее мнение о книге – подходящий предлог для знакомства. Он сел рядом с ней на скамейку и завел беседу.

Оказалось, что девушка родом из Германии, здесь работала журналистом, снимала квартиру в доме на холме с видом на Акрополь. «Когда смотрю на эти руины, вспоминаю, что ничто не вечно, и занимаюсь только тем, что люблю», – лаконично объяснила она свой выбор, жизнерадостно улыбаясь и поправляя свою стрижку каре, растрепанную на ветру. Густые темнорусые пряди шелковистых волос источали аромат духов с запахом роз и мяты.

Глаза у нее были малахитового цвета, а одета она была в плотное серое платье-футляр, прикрывающее колени. Черный пиджак она накинула на плечи, а книгу держала в руке, как сумочку-клатч.

«Марта!» – дружелюбно протянула она руку Джонатану.

Марта... Теперь от воспоминаний об этой встрече у Джонатана щемило в груди. Марта нравилась ему, и вместе

они посетили массу выставок и музеев, просмотрели километры киноплёнок, напечатали несколько альбомов с совместными фотографиями, сходили на сотню ужинов. Вместе им было хорошо и легко.

И в этом году на Рождество Джонатан чуть не сделал Марте предложение, но все не мог решиться, а она не настаивала. Ее пока не очень манила семейная жизнь – ей нравилось жить беззаботно, хотелось вечного праздника, романтики и свиданий.

Джонатан был строго воспитан и понимал, что двух лет со дня знакомства более чем достаточно, чтобы принять решение о женитьбе. Но они были так молоды, греческое солнце было такое жаркое, и мир, казалось, принадлежал им двоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.